

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задачей настоящего учебного пособия является систематизация основных сложностей, связанных с построением правильной речи. Как известно, в русском языке такие сложности относятся прежде всего к сферам произношения, ударения и морфологии: именно здесь встречаем наибольшее количество отклонений от литературной нормы.

Пособие состоит из пяти разделов. В первом изучены подходы к определению понятия «орфоэпия», охарактеризованы узкое и широкое её понимание, соотношение предметов орфоэпии и фонетики, соотношение произношения и правописания, вопрос о стилях произношения. Уделено внимание влиянию церковнославянского языка, а также современных европейских языков на русское произношение. Рассмотрено понятие единого произносительного стандарта, проанализированы подсистемы национального языка, затрудняющие установление такого стандарта: 1) нелитературные (просторечие и диалекты); 2) литературные (московская и петербургская орфоэпические нормы).

Во втором разделе рассмотрены параметры определения понятия «ударение», типология ударений, проанализированы разноместность и подвижность русского словесного ударения как источники акцентуационных затруднений; изучены причины появления неправильных ударений и сферы их возникновения, уделено внимание классификации вариантов ударения; проанализирован вопрос о побочном ударении и звуковом эллипсисе как приёмах преодоления труднопроизносимых цепочек безударных слогов.

Третий раздел посвящён рассмотрению морфологических вариантов; последние систематизированы в соответствии с причинами их возникновения. В рамках данной схемы изучены, в частности, такие вопросы, как вариативность глагольного словоизменения и формообразования (изобилующие глаголы, глаголы подвижного состояния, недостаточные глаголы, варианты

форм инфинитива, императива, деепричастий, несовершенного вида с суффиксами вторичной имперфективации и др.), имён существительных (второй родительный и второй предложный падежи, варьирование слов иноязычного происхождения в склоняемости и грамматическом роде, особенности образования родительного падежа множественного числа от имен *plurality tantum* и слов, используемых преимущественно в форме множественного числа; варианты форм именительного падежа множественного числа существительных мужского рода первого склонения типа *слесари* — *слесаря*, двуродовые имена существительные, склонение и грамматический род аббревиатур инициального типа и сложносоставных слов и т. д.), имён прилагательных (варианты кратких форм мужского рода от прилагательных с концовкой *-енный*, форм сравнительной степени; притяжательные прилагательные с суффиксом *-ин-*) и др.

Поскольку пособие адресовано филологам, серьёзное внимание уделено теоретическим проблемам, связанным с основными категориями культуры речи — вариантностью и нормой. В четвёртом разделе рассмотрены подходы к определению понятия «вариант», соотношение вариантности и синонимии, типология языковых вариантов, вопрос о словообразовательных вариантах; в пятом проанализированы подходы к определению понятия «норма», функции нормы, соотношение нормы и кодификации, понятие стихийной нормы, критерии оценки языковых фактов с точки зрения нормы, типология норм.

Каждый из разделов построен по типовой схеме и содержит: 1) краткое изложение определённой теоретической проблемы; 2) список специальной литературы по изучаемой теме; 3) систему упражнений, нацеленных на развитие аналитических и практических умений, связанных с построением правильной речи. Завершают пособие ответы к наиболее сложным заданиям, что даёт обучающимся возможность для самостоятельной работы.

Концепцию настоящего учебного пособия определяет особое внимание к причинам и тенденциям изменений в сферах ударения, произношения и словоизменения, поскольку именно анализ

таких причин и тенденций «на базе детального изучения отдельных групп слов» [Филин 1963: 133], во-первых, способствует формированию языковой интуиции, во-вторых, позволяет сформулировать ортологические правила и рекомендации, а значит, уйти от списочного представления изучаемого материала и тем самым свести к минимуму необходимость механического заучивания кодифицированных вариантов.

1. РУССКАЯ ОРФОЭПИЯ

Под орфоэпией принято понимать: 1) «совокупность правил устной речи, обеспечивающих единство её звукового оформления» в соответствии с нормами литературного языка [Аванесов 1972: 8]; 2) раздел языкознания, изучающий такие правила. Правильное, или литературное, произношение представляет собой «один из важнейших показателей общего культурного уровня современного человека» и «имеет не меньшее значение, чем верное написание» [Горбачевич 1978а: 134]. Отклонение от орфоэпических норм приводит к коммуникативным неудачам и «отвлекает слушающего от смысла», заставляя «обращать внимание на внешнюю, звуковую сторону речи» [Аванесов 1961: 7]. В 1915 г. В. И. Чернышёв [1970: 51] отметил: «При многих руководствах к русскому правописанию — орфографии — наша учебная литература не имеет никакой книжки о правильном русском произношении — орфоэпии». В настоящее время мы имеем не только целый ряд исследований по орфоэпии (Р. И. Аванесова, Л. А. Вербицкой [2001 и 1976], И. А. Вещиковой [2007] и др.), но и солидные орфоэпические словари [Борунова, Воронцова, Еськова 2001; Иванова 2004; Каленчук, Касаткина 2006; Горбачевич 2009]; теоретическая же литература по вопросам орфоэпии стала практически необозримой.

Объём понятия орфоэпии (а значит, и её предмет) определяется по-разному. Некоторые специалисты «понимают орфоэпию суженно — как совокупность норм произношения.., исключая из неё вопросы ударения, практически очень важные» [Аванесов 1972: 8—9]. Если полагать, что «орфоэпические правила охватывают только область произношения отдельных звуков в определённых фонетических позициях» [Шанский, Иванов 1987: 133] (ср., например, произношения буквы *ч* в словах *точно* и *конечно*), то ударение действительно не является предме-

том орфоэпии. Если же считать её предметом не только правила произношения «отдельных звуков», но и правила произношения слов, то в сферу орфоэпии логично включить и ударение. Поэтому наиболее целесообразным считается широкое понимание орфоэпии, «при котором в её состав включаются произношение и ударение, т. е. специфические явления устной речи» [Аванесов 1972: 9, ср. Реформатский 1996: 228]. Предмет орфоэпии, однако, не должен исчерпываться произношением и ударением. Е. Д. Поливанов [1968: 222—223], говоря об «орфоэпической культуре дореволюционной интеллигенции», вспоминает: «Нас учили... и тому, что не надо говорить в нос, не надо говорить слишком громко»; говорить следует «без сильных скачков» интонации, характерных «для многих простонародных говоров».

По традиции, заложенной Р. И. Аванесовым, орфоэпические словари фиксируют и варианты грамматических форм, например: «мурлычет *и допуст.* мурлыкает» [Иванова 2004: 345]. С одной стороны, правы специалисты, полагающие, что: а) этот подход чрезмерно расширяет предмет орфоэпии; б) такие варианты «не должны рассматриваться в орфоэпическом словаре» [Касаткин 2007: 347]. С другой стороны, нельзя не признать и тот факт, что словоизменение и произношение в русском языке тесно связаны, ср. *Бо[х] — Бо[г]а, воды́ — во́ды*, отсюда типовое определение орфоэпии как «совокупности норм устной речи, в которых реализуется образование форм слова» [Сатина 2007: 213].

Рассмотрим *соотношение предметов орфоэпии и фонетики*. Последняя изучает только системные явления, подчиняющиеся правилам, которые не знают исключений, например: «В абсолютном конце слов и перед последующими глухими согласными звонкие чередуются с глухими»: *го[т], ло[т]ка* [Вербицкая 2001: 77]. Предмет орфоэпии — «исключения из фонетической системы, особенности нормированного произношения, не обусловленные <фонетической> системой» [Ганиев 1990: 108], «индивидуальные случаи произношения отдельных слов», регламентируемые **правилами чтения**, т. е. «произноситель-

ными указаниями к чтению букв и их сочетаний в тех случаях, когда письмо и язык не соответствуют друг другу» [Реформатский 1996: 227 и 228]. Так, буква *ч* в некоторых словах читается как [ш]: *что, конечно*; буква *г* — как [в]: *синего, красного*. Произношение таких слов «не может быть сформулировано в виде общих правил чтения» [Аванесов 1961: 8]. Итак, если фонетика изучает варианты фонем, «выступающие в разных фонетических позициях», то предмет орфоэпии составляют произносительные варианты, «выступающие в одних и тех же фонетических позициях» [Касаткин 2007: 345].

Непростым является *соотношение произношения и правописания*. Как известно, для русского языка характерно значительное «расхождение правописания слова с его произношением» [Ожегов, Шведова 1994: 7]. Такое расхождение, однако, не абсолютно. В определённых случаях используется **буквенное произношение**, при котором «проявляется идеальный фонемный состав» произносимых слов [Щерба 1957: 22]. Укажем такие случаи.

1. Озвучивание «редких, для собеседника малоизвестных слов» [Щерба 1957: 22]: *к[è]н[о]тáф* (буквенный состав таких слов можно задать с помощью нотарикона: «Ксения, Егор, Николай, Олег...»), *[`э]мб[о]лiя*, *[`э]к[о]сé[з]* (без оглушения в абсолютном конце), в частности аббревиатур: *м[ос]г[о]рсу[д]*, ср. менее понятное *м[ъз]г[А]рсу[т]*. При обычном, «небуквенном» произношении звуковая форма таких слов будет неясна для адресата.

2. Разграничение омофонов: *антология* и *[о]нтология*.

В подобных случаях применение буквенного произношения обусловлено требованиями ясности и однозначности речи. Элементы этого же способа произношения мы используем и тогда, когда говорим по телефону (в случае плохой связи, помех), «когда говорим из другой комнаты, когда говорим занятому, рассеянному, тугоухому, когда поправляем детей» [Щерба 1957: 22]. Ориентация «на книжные, “буквалистские” стили произношения» необходима и при произнесении публичной речи, поскольку

ку последняя — «это прежде всего речь, учитывающая удобство слушателя... — вот что в первую очередь определяет произносительную сторону публичной речи» [Панов 1968: 14]. Ещё Квинтилиан осуждал тех ораторов, «кои в словах часть звуков проглатывают, часть съедают, концовок же вовсе не произносят» [Quintiliani 1854: 214].

3. Акцентирование, логическое выделение отдельных слов [Панов 1990: 66], т. е. случаи, «когда мы хотим выделить какое-нибудь слово» [Щерба 1957: 141]: *Это нужно сделать [до того], а не после.*

4. Элементы буквенного стиля произношения (в частности, запрет на звуковой эллипсис) характерны для высокой, торжественной речи: на краю *бе[зд]ны, Ро[сс]ия*. Эта орфоэпическая черта высокого стиля была характерна и для церковнославянского языка, который по своей функции был «языком особым, торжественным, языком церковной службы» [Панов 1990: 298].

Таковы основные функции буквенного произношения и «буквенного прочтения» [Винокур 1947: 11], если речь идёт об озвучивании текстов.

По степени приближения к письменной форме речи можно противопоставить выделенные Л. В. Щербой [1957: 21] полный и неполный («разговорный») стили произношения. Приметами **неполного стиля** являются нечёткость произношения, ускоренный темп и активное применение звукового эллипсиса. При использовании **полного произносительного стиля** звуки артикулируются чётко, звуковой эллипсис сводится к минимуму, темп речи замедляется, что сближает этот стиль с пением [Щерба 1957: 141], ср. *Сан Санна, тыща, плени[тн]ый* (неполный стиль) и: *Александра Александровна, тысяча, пленительный* (полный стиль). Нечёткость произношения и звуковой эллипсис уместны в сниженном, например разговорно-бытовом дискурсе, их отсутствие, а также замедление темпа речи — в высоком стиле, в официальной речи. Так, в неофициальной беседе мы скажем коллеге: «Ксан Ксанна», однако, зачитывая приветственный адрес, применим

полный произносительный стиль: «Уважаемая Александра Александровна!».

Целый ряд орфоэпических особенностей возник в русском литературном языке *в результате иноязычных влияний*. Здесь необходимо отметить, что такие особенности, как правило, носят неустойчивый, временный характер, и потому являются предметом прежде всего **исторической орфоэпии**.

Рассмотрим некоторые орфоэпические заимствования из церковнославянского языка — **фонетические славянизмы**. Как известно, церковнославянскому языку свойственно оканье. Под влиянием церковнославянского «неударяемое о» стало использоваться и в русской торжественной речи [Чернышёв 1970: 64; Богомазов 2001: 232]. В повести И. С. Тургенева «Пунин и Бабурин» читаем: «Я даже, признаться, по этому случаю... четверостишие к портрету Парамона Семёновича сложил:

С пелёнок не щадя гонений лютых, рок
Ко краю бездны зол Бабурина привлёк!
Но огонь во мгле, злат луч на гноище блистает, —
И се! победный лавр чело его венчает!

Пунин произнёс эти стихи *размеренным, певучим голосом и на о́*, как и следует читать стихи». В русском литературном языке оканье как признак высокого, торжественного стиля «сохранилось... до первой четверти XIX в.» [Панов 1968 а: 22]. В настоящее время литературное оканье представляет собой орфоэпический архаизм.

Ещё одно фонетическое заимствование из церковнославянского языка — фрикативная фонема [ɣ], которая первоначально использовалась исключительно в славянизмах. В 1755 г. М. В. Ломоносов [1952: 430] в «Российской грамматике» пишет: «Буква *z* произносится разными образы: 1) как у иностранных *h*. Сие произношение осталось от славенского языка, а особливо в косвенных падежах речения *Бог*, как: *Бога, Богу, Богом, Бóги, Богóв* и проч. В речениях: *Господь, глас, благо* и в их про-

изводных и сложенных: *государь, государство, господин, господствую, разглашаю, благодать, благословляю, благодарю* и проч.; 2) в конце речений, как *к... (друк)». В конце слов звонкий [γ] заменялся глухим [x], именно поэтому, по М. В. Ломоносову, буква z произносится «как x в именительном единственном Бог» (последнее правило действует до сих пор — вероятно, с тем, чтобы не путать слова *бок* и *Бог*).*

Поскольку славянизмы использовались преимущественно в высоком стиле, фрикативный [γ] не только стал приметой этого стиля, но даже, судя по рифмам XVIII — начала XX в., распространился в книжной речи на произношение исконно русских слов [ср.: Панов 1990: 195; Калинин 1966: 249—250]: *И русский в шумной глубине Уже плывёт и пенит волны, Уже противных скал дости[x], Уже хватается за них* (А. С. Пушкин); *В полях кровавых Марс страшился, Свой меч в Петровых зря руках, И с трепетом Нептун чудился, Взирая на Российский фла[x]* (М. В. Ломоносов).

Какова дальнейшая судьба фрикативного [γ] в русском литературном языке? Использование этой фонемы задаётся не правилом, а списком. Список запомнить сложно, именно поэтому фрикативный [γ] в указанных словах постепенно вытеснялся взрывным [г]. В настоящее время фрикативный [γ] «допускается... в междометиях *господи, ей-богу*» [Богомазов 2001: 225], а также в косвенных падежах слова *Бог*, где, однако, «имеет характер устарелый, архаический, хотя и сохранилось в устах отдельных лиц самого старшего поколения. Впрочем, на конце слова *Бог* и сейчас должен произноситься звук [x]» [Аванесов 1961: 10]. Факультативная фонема [γ], «когда-то чувствовавшая себя вполне уверенно, сходит на нет. <...> “Свело в могилу” её то..., что она встречалась в небольшом числе корней и не было особой буквы, которая могла бы поддержать её престиж. <...> Даже и в формах одного-единственного слова, где [γ] нашла последнее пристанище, слышится она всё реже. Стало распространённым произношение *бо[x], бо[г]а, бо[г]у* и т. д. — с непозиционным чередованием [x] || [г]» [Панов 1990: 28]. Таким образом,

«перед нами последние остатки разрушающейся и почти разрушившейся традиции» [Ушаков 1995: 178], ушедшей «с ослаблением и падением роли церковного произношения» [Немченко 1990: 53].

Рассмотрим один фонетический закон русского языка, также испытавший на себе иноязычное, в частности церковнославянское, влияние. Закон этот оформляется следующим правилом: ударный гласный [э] в позиции между мягким и твёрдым согласными заменяется ударным гласным [ó] [подробнее см.: Обнорский 1960: 215], ср. устар. *мушкетёр* — совр. *мушкетёр* [Воронцова 1970: 51—52], лит. *гренадёр* — неправ. *гренадёр*, лит. *афёра* — неправ. *афёра*. Д. Н. Ушаков [1995: 159] справедливо отмечает, что переход [э] в [о] происходит «под влиянием просторечия», ср. *совре́менный* и прост. *совреме́нный*, «суета суёт и всяческая суета» (Радиопередача; услышано В. Г. Костомаровым), *убежал* и прост. *убёг*, *одежда* и прост. *оде́жа*, *опека* и прост. *опёка*, *трезвый* и прост. *тверёзый*. В XVIII в. слова *небо* и *нёбо* были орфоэпическими вариантами одного и того же слова; при этом «произношение *небо* имело место в бытовой речи образованного круга» (Г. О. Винокур). А. С. Шишков пишет: «Мы в просторечии ... не скажем *с неба упал*, но *с нёба упал*» [Винокур 1947: 11—12]. Очень активно проходит этот процесс, по наблюдениям С. П. Обнорского [1960: 219], и в диалектах, ср. *лещ* и диал. *лёщ*, *вешний* и диал. *вёшний* и др. Однако в литературном языке наблюдаются многочисленные «факты разнообразных внешних нарушений закона о переходе *e* в *o*». Ещё В. И. Чернышёв [1970: 69] констатировал «сохранение *e* в словах иностранных, которые... произносятся по-русски <образованными людьми, знающими иностранные языки> так, как в том языке, из которого взяты. Поэтому никто не скажет через *ё* слов: *фёрма*, ... *кадёт*, *университёт*, *планёта*, *коме́та*, *профёссор*, *апте́ка* и т. п.». К этому списку добавим довольно обширную группу заимствований на *-ёр*: *инженёр*, *легионёр* и др. Впрочем, «в русском языке постепенно нарастает число слов на *-ёр* (*актёр*, *суфлёр* и т. п.)» [Воронцова 1970: 52]; некоторые

специалисты считают «превращение *-er* в *-ёр*» доминирующей тенденцией русского языка последних двух-трёх столетий [Гимпелевич 1974: 101].

Поскольку в церковнославянском языке «закон о переходе *e* в *o* не был известен», большинство церковнославянизмов сохраняет ударное [э] в позиции между мягким и твёрдым согласным, например: *ковчѣг*, *клеврѣт*, *вертѣн*, *нёбо* и др.; вместе с тем, пишет С. П. Обнорский, нельзя не отметить «неуклонно идущий процесс “обрусения” соответствующих слов путём трансформации их произношения с *e* на *o*», ср., например, *безнадѣжный* и *безнадёжный* и мн. др. [Обнорский 1960: 218 и 219].

Поскольку буква *ѣ* практически не используется, «основным фактором, тормозящим процесс перехода [э] в [о]» стало «воздействие графического облика слова» [Горбачевич 1978: 129]: ещё в XVIII в. «образованные люди... старались вообще не произносить *e* за *ѣ* при чтении (так как *ѣ* считалось “простонародным” [Винокур 1947: 11—12]. — В.М.), т. е. старались читать, как пишется: *идѣт*, а не *идѣт*, *просвещѣнный*, а не *просвещѣнный*» [Ушаков 1995: 159]. Благодаря «буквенному прочтению» фонетический славянизм [э] вм. [ó] распространился на русскую лексику и, ввиду высокого статуса церковнославянской речи, «стал признаком произношения высокого, учёного» [Винокур 1947: 11]. Вот почему в стихах XVIII — первой половины XIX в. «иногда допускается искусственное произношение *e*» [Чернышёв 1970: 69], ср. следующие рифмы: *Блеснул горящим вѣдруг лицем*, *Умытым кровию мечем* *Гоня врагов*, *Герой открылся* (М. В. Ломоносов); *Ужален небольшою Крылатой я змеёй*, *Которая пчелюю Зовѣтся у людей* (Г. Р. Державин); *Жизнь летит: не осрамися*, *Не прости её полѣт*, *Пей, люби да веселися!* — *Вот мой дружеский совет* (Д. В. Давыдов); *Чугун кагульский, ты священ* *Для русского, для друга славы* — *Ты средь торжественных знамѣн* *Упал горящий и кровавый...* (А. С. Пушкин).

Русское литературное произношение претерпевало и претерпевает определённое влияние и со стороны *современных европейских языков* — прежде всего, конечно, в речи образованных

людей, знающих иностранные языки. М. В. Панов [1990: 53] отмечает: «В речи интеллигенции (именно она главный, хотя и не единственный, хозяин литературного языка) характерны иноязычные инкрустации. В речь вставляются французские, немецкие, английские слова, словосочетания, предложения, сохраняющие свою исконную нерусскую фонетику», при этом применяются элементы **ксенофонии** — произносительного стиля, ориентирующегося на произношение в языке-источнике заимствования: *Le Temps*, *Коммерсантъ-daily*, *Коммерсантъ-weekly* (названия газет), *Microsoft Windows* (компьютерный термин), *Rainbow* (название музыкальной группы). До революции 1917 г. было ощутимо «влияние французского в русской интеллигентской фонетике», причём «признаком интеллигентности» считалось использование «носовых гласных, т. е. умение произносить “русский *n* как *n* французский”» [Поливанов 1968: 231 и 235]. Вспомним следующие строки из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: *И русский Н, как N французский, Произносить умела в нос; Но скоро всё перевелось...* В настоящее время такое произношение носит манерный, претенциозный характер: *Я хочу принять ва[ñ:]у, выпить чашечку ко[фэ]* (слова Гены из к/ф «Бриллиантовая рука»). Произношение типа [ã]терьер, ром[ã]с может быть и «капризом, индивидуальным чудачеством» [Панов 1990: 52, ср. также с. 67 и 148].

Е. Д. Поливанов [1968: 217] указывает на то, что в речи дворянской интеллигенции, знавшей французский язык, встречалось грассирование («т. е. произношение увулярного недрожжающего *r*») — яркий признак «кастовой фонетики», характерный, к примеру, для речи и песен Александра Вертинского.

В «интеллигентской фонетике» XIX — начала XX в. имелось и «*l* “среднее”, или *l* западноевропейского типа», закрепившееся «прежде всего в названии музыкальной ноты *la* (не *ля*, и не *ла*, но именно *la*)...; в произношении ноты *la* наличие или отсутствие среднего *l* служило критерием “интеллигентского выговора”: певицу, которая произносила вместо *la* или *ла*, или *ля*, сразу определяли как “не нашего поля ягоду”» [Поливанов

1968: 232—233]. Со средним [Л] произносилось и название ноты «соль». Внимательно прочитаем следующее двустишие из «Путешествия Евг. Онегина»: *Но только вряд позволено ль С вином равнять ре ми фа сол*. Название ноты *соль*, в отличие от всех остальных, записано латиницей — видимо, с тем, чтобы подчеркнуть его особое произношение (впрочем, здесь возможны и иные трактовки [см.: Аникин 1993: 62]).

Произношение типа [ã]терьер, [Л]а и т. д. «свидетельствовало о принадлежности к определённой социальной среде и для представителей этой среды играло роль “рекомендательной характеристики”»; после революции фонетическое сближение заимствованных слов «со словами языка-источника стало оцениваться как претенциозное и противоречащее литературному стандарту» [Панов 1968: 19]. Специальный опрос, проведённый в 60-е годы «среди гуманитарной и технической интеллигенции в возрасте до 35 лет», показал, что в произношении слов иноязычного происхождения (в том числе «и в названии ноты *ла*») среднее [Л] отсутствует [Гловинская 1971: 69]. Однако в речи «старых москвичей» эта фонема была отмечена — в частности, в таких словах, как *блеф, проблема, реле, лонгшез, полонез, леди* [Гловинская 1968: 122].

Как известно, «общий процесс русификации (освоения) иноязычных слов постепенно ведёт их к подчинению произносительным нормам русского литературного языка» [Горбачевич 1978а: 140]; тем не менее некоторые слова иноязычного происхождения не полностью принимают законы русской фонетики и потому **выделяются на фоне собственно русской лексики некоторыми особенностями своего произношения** [Аванесов 1972: 166]. Назовём основные из таких особенностей.

1. **Безударное [о]** чаще всего встречается в именах существительных: а) нарицательных: *в[о]кал, д[о]сье, п[о]эт*; б) собственных: *В[о]льтер, Г[о]мер* — как правило, в первом предупредительном слоге, реже в других позициях: *кред[о], б[о]леро* (при недопустимости произношения с [А]) [Аванесов 1972: 167] в первом предупредительном или с [ъ] в других слогах). Безударный гласный

[о] произносится гораздо чаще в следующих условиях: а) рядом с гласным: *a[о]ртальный, б[о]а*; б) в конце слова: *три[о], кред[о]* [Вербицкая 2001: 76]. Безударное [о] «допустимо лишь в необрусевших ещё иностранных словах», а «в давно утвердившихся... неударяемое [о] недопустимо» [Ушаков 1994: XXXI—XXXII]. Безударное [о] зачастую «сигнализирует о высокой, нередко и самим адресантом подчёркиваемой, образованности, интеллигентности, даже элитарности»; его активно используют «интеллигенты старшего поколения и подражающие им» [Верещагин, Костомаров 1987: 66]; в последнем случае произносительный стиль расценивается как **манерно-претенциозный**. В книжных словах типа *поэт, сонет, ноктюрн* безударное [о] используется в высоком стиле: при декламации и «в торжественной, приподнятой речи» [Горбачевич 1978 а: 142]. В неофициальных, бытовых ситуациях такое произношение имеет место «лишь как шутивное подражание речи старой интеллигенции». Так, на вопрос «Что это за книга у тебя на столе?» можно ответить: «Великий Г[омэ]р». Эффект усиливается при употреблении безударного [о] в русском слове: *Он же в этих делах с[о] баку съел!* [Рус. разг. речь 1983: 188].

Существует мнение, что произношение безударного [о] в иноязычных по происхождению словах не должно рекомендоваться [Ожегов, Шведова 1994: 7]. Думается, что это строгое ограничение, не отражающее реалий узуса, представляет собой попытку простого решения сложного вопроса.

2. Отсутствие качественной редукции безударного [э], особенно «в словах, которые не являются частотными» [Михайлова 2011: 167]: [э]клибрис, *про[тэ]же*. Такое «безударное е, не подчиняясь общим правилам произношения безударных, произносится почти как чистое э: *a[тэ]лье*» [Ожегов, Шведова 1994: 8; Орфоэпический словарь 2001: 646]; ср. неправ. *a[ты]лье, про[ты]же*.

3. Скопление корневых гласных (**хиатус**): а) разных: *пр[Аэ]кт, д[иэ]та, абитур[иэ]нт, пац[иэ]нт*, б) одинаковых: *Гаага* и др. Поскольку «русскому языку несвойственно сосед-

ство двух гласных», такие звуко сочетания «обычно разрушаются»: а) с помощью эпентетических согласных: *пр*[Ајэ]к*т*, *рад*[ивь]; б) стяжения: *Г*[а]га, что наблюдается в речи «лиц, не владеющих нормами литературного языка» [Коготкова 1969: 40]. Наиболее неустойчивым оказывается звуко сочетание [изь]; именно в этом случае норма чаще всего противоречит узусу. Сочетания же менее интенсивных в артикуляционном отношении гласных устойчиво сохраняются: *аэрофлот*, *Иов*, *диагноз* и др.

4. **Твёрдый согласный перед буквой е** «в необрусевших иностранных словах» [Ушаков 1995: 177] имеет место в именах существительных и их производных: *гро*[тэ]ск и *гро*[тэ]ск-ный, [пэ]ри ‘добрая фея’, *Воль*[тэ]р, *Бор*[нэ]о. По наблюдению М. Я. Гловинской [1971: 85], твёрдость согласного перед [э] часто связана с «морфологической неосвоенностью слова» (т. е. с его несклоняемостью): *резю*[мэ], *ку*[пэ], *медре*[сэ], *шимпан*[зэ]. Замечено, что «идентифицируя новые слова как иноязычные вкрапления, русское языковое сознание стремится показать твердость произношения графически», отсюда использование графемы э в неосвоенных заимствованиях: *Фейсбук* и *Фэйсбук*, *флеш-моб* и *флэш-моб* [Турко 2014: 182]. Данная графема используется и для предупреждения омонимии, ср. *сэр* и *сер*, *мэр* и *мер* [ср. Вербицкая 2011: 51].

По мере фонетического освоения происходит «переход от твёрдого произношения согласного к мягкому» [Горбачевич 1978 а: 143]; варианты типа [кэ]мпинг / [к’э]мпинг «обнаруживают степень обрусения иноязычных слов» [Валгина 2001: 34]. Слова [д’э]мон, [т’э]ма сейчас произносятся с мягкими согласными, но ещё в 20—30-е годы XX в. такое произношение считалось «простонародным» [Поливанов 1968: 230], говорили: [дэ]мон, [тэ]ма. Твёрдый согласный в фонетически освоенных словах характерен для манерно-претенциозного произносительного стиля: *Го*[мэ]р, *му*[зэ]й, *брю*[нэ]т.

5. **Долгий (или «двойной») корневой согласный** произносится: а) в коротких, преимущественно двусложных словах типа *ванна*, *Римма Ива*[нн]а, *тонна*, *панна*, *металл*, *масса* —

в противном случае они либо искажаются до неузнаваемости (**vá*[н]а), либо омофонически сближаются с другими словами, что приводит к двусмыслице (**mó*[н]а = род. ед. от слова *тон*, **ná*[н]а = род. ед. от слова *нан*): здесь противопоставление «простого и двойного *н...* употребляется с различительной целью» [Щерба 1957: 112]¹; б) в производных от коротких слов: *то*[н:]а > *то*[н:]аж, *ма*[с:]а > *ма*[с:]овка (в таких словах по мере их постепенного освоения иногда становится допустимым краткий корневой согласный, однако старшей нормой является долгий); в) в многосложных словах — в случае, если они не вполне освоены русским языком и носят книжный характер: *ассоциация*, *ассимиляция*; г) в общеупотребительных многосложных словах произношение долгого корневого согласного «характеризует нарочито книжный стиль» [Аванесов 1972: 131]: *профе*[с:]ор, *ко*[л:]ега.

6. Полумягкий [ж.] в словах типа *жюри*, что характерно, по наблюдениям специалистов, для речи интеллигенции [Ярошенко 2010: 69].

«Разнойой в оформлении устной речи», состоящий в использовании значительного количества орфоэпических вариантов, «мешает пониманию» [Аванесов 1961: 7], поэтому важнейшей задачей остаются разработка и повсеместное внедрение ***единого произносительного стандарта***, установление которого «так же важно, как и единое, орфографически правильное письмо» [Аванесов 1961: 7]. Ещё Д. Н. Ушаков [1995: 180] отметил, что «единое общерусское литературное произношение необходимо, а его у нас нет». Современные учёные также сетуют на «отсутствие повсеместного произносительного стандарта» [Вербицкая 2001: 114]. И. А. Вещикова [2007: 147—148] констатирует «огромное количество нарушений языковых правил», «массовые ошибки, проявляющиеся в несоблюдении акцентных норм, в расширении

¹ Если считать, что фонема представляет собой кратчайшую звуковую единицу, способную различать звуковые оболочки слов, словоформ или морфем, то долгий согласный, судя по приведённым выше примерам, обретает статус фонемы.

зоны действия устно-разговорных фонетических форм», что влечёт за собой: а) «несущественность строгого соблюдения нормы»; б) «приемлемость нелитературных форм в сферах, обладающих культурной и общественно-коммуникативной значимостью»; в) «ограниченные возможности использования текстов устной публичной речи в качестве ориентира и образца», т. е. стандарта.

Назовём **фонетические подсистемы** национального языка, затрудняющие установление единого произносительного стандарта: 1) нелитературные: просторечие и диалекты; 2) литературные: московская и петербургская орфоэпические нормы. Просторечие представляет собой социальную подсистему, все остальные являются «локальными фонетическими разновидностями» русского языка [Панов 1990: 16].

В своё время «школа, радио, звуковое кино, театр, граммофонная и патефонная пластинка помогли остановить натиск диалектов» [Панов 1990: 16]. Тем не менее отдельные **чисто диалектные** черты русского произношения ещё сохраняются: это оканье: *x[o]p[o]шó*, яканье: [в'я]зу, ч[ав]о?, использование «среднего» [l]: *бы[l]á*, билабиальное произношение фонемы /в/: *пра[ǔ]да*, [ǔ] *доме* и т. д. [Русская диалектология 1998: 34—69].

В середине прошлого века С. П. Обнорский [1960: 237] отметил: «Рост и развитие литературного языка, книжного в своём óтове, протекали и протекают в условиях непрерывного воздействия на него диалектной стихии, этой основной питающей среды, дающей силы и жизненность самóй литературной базе языка». В настоящее время «территориальные диалекты уже не играют существенной роли в образовании норм современного литературного языка» [Горбачевич 1978а: 146], однако ещё в недавнем прошлом отдельные диалектные элементы (прежде всего лексика) действительно довольно активно заимствовались литературным языком. Что касается диалектной фонетики, то она воздействовала (и продолжает воздействовать) не на литературный язык, а прежде всего на просторечие, так что большинство особенностей диалектного произношения свойственно

и городскому просторечию [Русская диалектология 1998: 73]. Строго говоря, такие особенности связаны не с орфоэпией, а с **орфофонией** — «правилами произношения аллофонов фонем»: так, в слове *поэт* /e/ — открытое, а в слове *лес* — закрытое [Вербицкая 2011: 49].

1. Произношение: а) [хв] вместо [ф]: [хв]ёдор, [хв]изика; б) [ф] вместо [хв]: [ф]атит, [ф]ост; в) [х] вместо [ф]: ко[х]та.

2. Замена мягких звуков твёрдыми: [ч]ас, мо[ш:]ный, су[ш:]ность (в литературном языке фонемы /ч/ и /щ/ всегда мягкие), [б]ю, [п]ю, соло[в]я́ («буквы б, в, п в таких случаях... произносятся мягко» [Ушаков 1968: 48]), [су]да́ (ещё В. И. Чернышёв [1970: 57] отметил, что «в слове *суда́* имеем мягкое с, в слове *суда́* — твёрдое»), з[ры]б (в песне В. Высоцкого: *Потом в скверу́, [γ]де детские [γры]бочки...*); б[ры]ть — брою (по аналогии с *крыть* — *крою*, *рыть* — *рою*). Приведём пример из «Киевских губернских ведомостей» за 1899 г.: «По определению Уманского окружного суда отыскивается крестьянин примет следующих: лицо чистое (бруется)» [Ханпира 1963: 36].

Иногда твёрдый звук на месте мягкого возникает под действием закона аналогии, ср. в[зы]мать (вм. в[з'и]мать) и *подымать*, *изымать*. Как известно, «в слове *взимать*... в соответствии с произношением пишется *и*. Все другие образования от этого корня имеют на письме букву *ы* (тоже в соответствии с произношением: *изымать*, *подымать*, а также прост. *сымать*, *отымать*)» [Кайдалова, Калинина 1973: 41]. Замена мягких звуков твёрдыми очень характерна для украинцев, говорящих по-русски: *салат с по[мы]дора[мы]*. И для диалектов, и для просторечия характерна замена мягких губных твёрдыми согласными в конце слова: *любо[ф]*, *кро[ф]*, *голу[п]*, *восе[м]*. Такое произношение иногда «проникает и в литературный язык» [Панов 1990: 35]: *Отведай сунуться к друзьям: Начнут советовать и вкось тебе и **впрям*** (И. А. Крылов. Крестьянин в беде). Вариативность по твёрдости / мягкости в отдельных случаях закрепляется в литературном языке, ср. *зверёк* и *зверок*, *зверюшка* и *зверушка*, *псалтирь* и *псалтырь*, *кринка* и *крынка*, *Давид* и *Да-*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru